

Ю. Г. ОКСМАН

ПУШКИНСКИЕ ЗАПИСИ РАССКАЗОВ И. И. ДМИТРИЕВА О ВОССТАНИИ ПУГАЧЕВА

1

В числе источников «Истории Пугачева», впервые введенных в научный оборот Пушкиным, были и неизданные воспоминания И. И. Дмитриева. С разрешения мемуариста Пушкин перенес из его рукописи в свою книгу единственный в своем роде отчет очевидца о казни Пугачева в Москве. Рассказ И. И. Дмитриева частично вошел в основной текст заключительной главы «Истории Пугачева», а полностью воспроизведен был в примечаниях к ней, с точной ссылкой на рукописный первоисточник.

В книге Пушкина получили отражение не только записки Дмитриева, но и некоторые его устные рассказы и справки, записанные Пушкиным.¹ Проявив широчайшую инициативу в розысках архивных документов и редких книг о Пугачеве и его окружении, собирая и изучая местный фольклор, лично опрашивая очевидцев тех или иных событий, великий поэт корректировал и дополнял на основании устных свидетельств все то, что можно было извлечь из печатных и архивных источников о делах и людях последней крестьянской войны. Характерно, что больше всего занимали Пушкина при этих опросах те факты, которые или затемнялись в официальной историографии, или обходились полным молчанием.

Записи рассказов И. И. Дмитриева, до сих пор вовсе не привлекавшие внимания исследователей, с исключительной непосредственностью обнажают методы собирания и отбора Пушкиным материала, необходимого ему для конкретно-историче-

¹ Записи рассказов И. И. Дмитриева впервые полностью опубликованы были в приложениях к «Истории Пугачева» в академическом издании полного собрания сочинений Пушкина (т. IX, ч. 2, 1940, стр. 497—498). Все ссылки на академическое издание Пушкина даются далее в тексте настоящей статьи сокращенно: римские цифры обозначают том, арабские — страницу.

ского осмысления восстания Пугачева и выяснения обстоятельств его ликвидации.

2

Время и место записей Пушкиным рассказов Дмитриева до сих пор не установлено. Мы полагаем, однако, что и то и другое может быть определено с точностью почти документальной. В самом деле: надпись, сделанная Пушкиным на бумажной обложке, в которой он объединил записки рассказов Дмитриева с выписками из «Осады Оренбурга» П. И. Рычкова, гласит: «Рычков и Дмитриев. Предания» (IX, ч. 2, 759). Пушкин получил первый список «Осады Оренбурга» Рычкова (всего этих списков у него было три) от историка Г. И. Спасского около 20 июля 1833 года (XV, 224 и 261). О том же, что к этому времени надлежит отнести и другую часть записей Пушкина, включенных в ту же обложку, свидетельствует установленная нами дата встречи Пушкина с Дмитриевым в Петербурге в 1833 году.

Как известно, И. И. Дмитриев, оставив еще в 1814 году пост министра юстиции, почти безвыездно проживал в Москве. Пушкин никогда не принадлежал к числу почитателей его как поэта: «И что такое Дмитриев? — писал он в марте 1824 года Вяземскому, как бы резюмируя все свои многочисленные резкие высказывания об авторе «Чужого толка» и «Модной жены». — Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова, все его сатиры одного из твоих посланий, а все прочее первого стихотворения Жуковского» (XIII, 89). С годами резкость высказываний Пушкина о произведениях Дмитриева ослабевает, поскольку и сам Дмитриев перестает писать и печататься, но личные их отношения, несмотря на старания общих друзей, несмотря на комплиментарные упоминания о Дмитриеве в «Евгении Онегине» и в «Повестях Белкина», налаживаются очень медленно.

Подчеркнуто официальный характер имеет и черновой набросок обращения Пушкина к Дмитриеву, сохранившийся в одной из записных книжек поэта, относящихся к 1833 году. Вот в каких словах Пушкин просил Дмитриева разрешить ему воспользоваться его неизданными мемуарами в будущей «Истории Пугачева»: «Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева (собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В Историч. Записках (которые дай бог нам прочесть возможно позже) вы говорите о Пугачеве — и как очевидец описали его смерть. Могу ли надеяться, что вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между

знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?» (XV, 62).²

Черновик этот не датирован, но место его в тетради Пушкина и самый характер записи (тот же карандаш) очень близки черновому наброску письма Пушкина к П. И. Соколову, время написания которого точно приурочивается к концу мая или к первым числам июня 1833 года (XV, 63). Датируя этими же днями черновой набросок письма к Дмитриеву, мы исходим из того, что 8 июня Дмитриев уже сам был в Петербурге.³ Осведомленный о его предстоящем приезде, Пушкин, видимо, предпочел отложить переговоры с Дмитриевым о рукописи его исторических записок до личной встречи и не отправил своего письма по назначению. В пользу нашего предположения свидетельствует и тот факт, что ни белой текст письма Пушкина, ни ответ на него Дмитриева никому не известны.⁴

С полной точностью устанавливается не только дата приезда Дмитриева в Петербург. Мы располагаем печатной информацией и о чествовании Дмитриева на «дружественном обеде», организованном его почитателями 14 июля 1833 года «по случаю отъезда И. И. Дмитриева из С. Петербурга». В кратком отчете об этом обеде, опубликованном П. А. Плетневым на страницах «Северной пчелы», от 21 июля 1833 года, упоминались имена только двух сановников, участвующих в чествовании. Но переписка Вяземского с Дмитриевым позволяет заключить, что на этом обеде состоялась и встреча Пушкина с Дмитриевым. Эта встреча была, разумеется, не единственным их свиданием в Петербурге, но тем не менее есть все основания утверждать, что

² Мы воспроизводим этот черновик, дополняя недописанные слова и опуская зачеркнутые. Весьма характерно, что Пушкин отмечает свою возможность работать над материалами о Пугачеве как «случай». Выражая желание «прочтеть возможно позже» полный текст записок Дмитриева, Пушкин имеет в виду решение их автора не печатать их при жизни.

³ Дата приезда И. И. Дмитриева в Петербург нами установлена по информации об этом в «Северной пчеле» от 14 июня 1833 года, № 131. Ср. запись в дневнике П. А. Вяземского: «15 июня 1833 г. Я сегодня обедал у Дмитриева. Каждый два часа беседы с ним могут дать материалов на несколько глав записок» (Полное собрание сочинений П. А. Вяземского, т. VII, 1882, стр. 166). Из Петербурга И. И. Дмитриев выехал 16 июля 1833 года в Дерпт («Северная пчела» от 21 июля 1833 года, № 162).

⁴ Наши соображения о датировке чернового письма Пушкина к Дмитриеву позволяют отвести ничем не мотивированную дату этого наброска («Март—апрель 1833 г.») в академическом издании Пушкина (XV, 62), равно как и отнесение этого черновика к «второй половине ноября 1833 г.» в «Письмах Пушкина» под редакцией Л. Б. Модзалевского (т. III, 1935, стр. 660).

именно в этот день состоялась та беседа о делах и людях 1773—1774 годов, результаты которой Пушкин закрепил в своей записи рассказов Дмитриева.⁵ В пользу этого предположения свидетельствует самая концовка записи Пушкина, в которой рассказы Дмитриева о временах Пугачева перемежаются анекдотом сенатора Баранова о Державине и замыкаются репликой Дмитриева именно по этому поводу.

Сенатор Д. О. Баранов не принадлежал к числу лиц, с которыми Пушкин мог встречаться в эту пору где-либо запросто или официально.⁶ Но этот самый Баранов был старым знакомым и сослуживцем Дмитриева, а чествование Дмитриева 14 июля 1833 года объединило людей не только нескольких поколений, но и разных литературно-общественных лагерей. Пушкин, видимо, и в этот день не упустил случая заговорить с Дмитриевым о временах Пугачева, а Баранов, вмешавшись в эту беседу, напомнил об участии в борьбе с Пугачевым Г. Р. Державина. Приводим эту часть пушкинской записи полностью:

«(Слышал от сен. Баранова). Державин, приближаясь к одному селу близ Малыковки с двумя казаками, — узнал, что множество народу собралось и намерено идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (впоследствии богача) изъяснения, зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с государем Петром Федоровичем — и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Державин уверил их, что за ним идут три полка.

«Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства» (IX, ч. 2, 498).

Пушкин внимательно учел рассказ Баранова в своей книге: «Державин, — читаем мы в пятой главе «Истории Пугачева», — начальствуя тремя фузилерными ротами, привел в повиновение

⁵ Из «20 оссб», присутствовавших на этом обеде, в «Северной пчеле» названы были Д. Н. Блудов и барон Люцероде, саксонский посланник при русском дворе. В письме от 3 августа 1833 года сам Дмитриев выразил особенную признательность за оказанное ему внимание в день 14 июля обоим «графам Вильегорским, А. С. Пушкину и П. А. Плетневу» (Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому, СПб., 1898, стр. 157). Имена других участников обеда позволяет установить подписной лист на сооружение памятника Н. М. Карамзину, заполнявшийся на этом же обеде («Литературное наследство», т. 52, стр. 247). См. также письма Вяземского к Дмитриеву в «Русском архиве» (1868, стр. 633).

⁶ Сводку библиографических данных о сенаторе Д. О. Баранове (1773—1834) см. в примечаниях Л. Б. Модзалевского к «Письмам Пушкина» (т. III, 1935, стр. 586—587).

раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза, и орды племен, кочующих между Яиком и Волгою. Узнав однажды, что множество народу собралось в одной деревне, с намерением итти служить у Пугачева, он приехал с двумя казаками прямо к сборному месту и потребовал от народа объяснения. Двое из зачинщиков выступили из толпы, объявили ему свое намерение, и начали к нему приступать с укорами и угрозами. Народ уже готов был остервениться. Но Державин строго на них прикрикнул, и велел своим казакам вешать обоих зачинщиков. Приказ его был тотчас исполнен и сборище разбежалось» (IX, ч. 1, 44).

Таким образом, в печатном тексте «Истории Пугачева» мальковский эпизод оказался тесно увязанным с основными военно-политическими заданиями, которые осуществлял в эту пору Державин в Заволжье, командуя особым карательным отрядом, а его жестокая расправа с восставшими мотивировалась не как безответственное озорство, а как мера необходимой самообороны («Народ уже готов был остервениться»). Но сам Пушкин несколько не сомневался ни в точности рассказа сенатора Баранова, ни в исторической характерности реплики Дмитриева. Не случайно именно эта реплика оказывается в ряду тех материалов, которые Пушкин счел необходимым в особой записке от 26 января 1835 года довести до сведения Николая I, фиксируя его внимание на политических уроках пугачевщины. Суждение Дмитриева, не вошедшее в печатный текст «Истории Пугачева», понадобилось Пушкину на этот раз для того, чтобы возможно резче охарактеризовать пропасть, отделявшую победителей от побежденных. Поэтому оно и было дано в 1835 году в гораздо более резкой редакции, чем в заметках 1833 года: «И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости» (IX, ч. 1, 373).

Это аристократическое пренебрежение к «настоящей необходимости» в кровавых деяниях усмирителей пугачевщины, это упоение крепостников победой над восставшими мужиками, этот разгул самых низменных страстей, не контролируемых ни разумом, ни честью, ни совестью, — все это прежде всего и захватывает внимание Пушкина в его беседе с Дмитриевым о событиях 1773—1774 годов.

3

Вчитываясь в пушкинские записи рассказов Дмитриева, нельзя не подивиться тому, как осторожно подходил автор «Истории Пугачева» к своему собеседнику и как издали на-

чинал он свой опрос. Читателю может даже показаться, что инициатива разговора принадлежит вовсе не Пушкину, — так медленно Дмитриев припоминает первые слухи о Пугачеве и так добросовестно Пушкин отражает эту неторопливую старческую речь. Свою запись он начинает рассказом Дмитриева о бегстве Пугачева из Казанской тюрьмы 29 мая 1773 года:

«Дмитриев услышал о Пугачеве от слуги, ездившего в Симбирскую» воеводскую канцелярию с его отцом. Возвратясь слуга рассказывал о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань в оковах, с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнаженными тесаками. Пугачев собирал милостыню, скованный с другим колодником. На улице Замочной Решетки стояла кибитка etc» (IX, ч. 2, 497).

Почему, однако, передача этого рассказа о бегстве Пугачева обрывается Пушкиным в самом начале? Что значит это «etc»? С какими данными (печатными или рукописными) оно связывалось так тесно, что Пушкин мог не продолжать своей записи, ограничившись безглой ссылкой («etc») на известный ему исторический источник? Ответ на все эти вопросы дает рассказ о бегстве будущего самозванца из Казанской тюрьмы в первой редакции «Истории Пугачева», законченной Пушкиным до его встречи с Дмитриевым:

«Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он, под стражею двух гарнизонных солдат, ходил по городу для собирания милостыни. У Замочной Решетки стояла готовая кибитка. Пугачев подошел к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших, другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из городу» (IX, ч. 1, 415).

Пушкин не воспользовался версией Дмитриева для исправления этого момента биографии Пугачева ни в первой, ни в окончательной редакции своей «Истории».⁷ Документальные дан-

⁷ В бумагах Пушкина сохранились копии основных документов дела Казанской губернской канцелярии о бегстве Пугачева из Казанской тюрьмы. Эти копии, озаглавленные Пушкиным «О побеге Пугачева», впервые полностью опубликованы в 1940 году в приложениях к академическому изданию «Истории Пугачева» (IX, ч. 2, стр. 723—747). Характеризуя эти материалы, Г. П. Блок в своих заключениях о методах работы Пушкина над историческими источниками отметил, что в печати данные казанского архива занимают «полных 25 страниц, т. е. около 1000 строк. В „Истории Пугачева“ эти 1000 строк обратились в 7 строк, причем цитат здесь нет» («Пушкин в работе над историческими источниками». М.—Л., 1949, стр. 67). Это наблюдение приходится отвести, ибо история бегства Пугачева написана была Пушкиным, как свидетельствует первая редакция «Истории Пугачева», до знакомства поэта с материалами архива Казанской губернской

ные, которыми он располагал, были авторитетнее предания, сохранившегося в памяти Дмитриева. Но рассказ последнего Пушкин все же записал, как любопытный вариант уже известного ему эпизода, обозначив отметкой «etc» отсутствие друг и их расхождений между текстом «Истории» и данными Дмитриева. Впрочем, если мы сравним печатную редакцию «Истории Пугачева» с рукописною, то заметим, что рассказ Дмитриева все-таки пригодился Пушкину. Так, в первой редакции «Истории» оставалось неясным, что собою представляла «Замочная Решетка», у которой ожидала Пугачева кибитка с его освободителями. Рассказ Дмитриева позволил Пушкину внести в окончательный текст этого эпизода следующее топографическое уточнение: «У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка».

4

Пушкин, расспрашивая Дмитриева о временах Пугачева, ни на минуту не забывает, что собеседник его не принадлежит к числу тех старожилков, свидетельства которых могли бы осветить внутреннюю историю восстания, воскресить живые образы его вождей, уяснить логику их действий. Поэтому Пушкин и получает от Дмитриева сведения не о людях из лагеря Пугачева, а о стане его врагов. Дмитриев хорошо помнит настроения правящего класса и в пору успехов Пугачева, и в пору его разгрома. Для него близкими и родными были имена многих помещиков, чиновников и офицеров, умерщвленных пугачевцами. Он не мог быть равнодушным к именам и усмирителей восстания, запомнив на всю жизнь рассказы и слухи о них. Главнокомандующий граф П. И. Панин, генерал-майор В. А. Кар, капитан гвардии Н. Д. Дурново, присланный в Яицкий городок с специальными полномочиями из Петербурга, гвардии поручик Г. Р. Державин, Симбирский комендант Чернышев, председатель Казанской следственной комиссии П. С. Потемкин — вот чьи исторические характеристики Пушкин мог прекрасно уяснить в своих беседах с Дмитриевым.

Правда, мы знаем далеко не все, что успел вспомнить и рассказать Дмитриев, ибо пушкинские записи не стенограмма и даже не всегда конспект, а порою лишь беглые заметки о тех или иных историко-бытовых деталях, о тех или иных действиях конкретных исторических лиц. Но все эти бытовые детали и все эти личные действия регистрируются отнюдь не нейтрально: «Полковник Чернышев был тот самый, о котором говорит Ека- канцелярии. Ни один документ из этой серии материалов не был учтен и в печатном тексте «Истории Пугачева».

терина в своих записках <...> Генерал Потемкин имел связь с Устинойей, второй женою Пугачева <...> Панин вырвал клоч бороды Пугачева <...> Кар был человек светский и слыл умником <...> Дурнов лежал между трупами» и т. д.

Если мы попробуем расшифровать эти предельно скупые записи на основании других исторических материалов, в том числе и писаний самого Пушкина, то нетрудно будет установить, что автор «Истории Пугачева» явственно строил свой опрос Дмитриева так, что последний из свидетеля против Пугачева невольно превращался в разоблачителя его врагов. В самом деле, вместо того, чтобы мобилизовать возможно более новые факты, подтверждающие традиционные утверждения дворянской историографии о жестокостях вождей крестьянского восстания, Пушкин закрепляет на бумаге только то, что дискредитирует больших и малых чинов крепостнического государства. В записях Пушкина перед нами встают «злодеяния» вовсе не Пугачева и его атаманов, а царских генералов, глумящихся над беззащитными, над военнопленными, над заключенными.

Напомним запись Пушкина о графе Панине, который «вырывает клоч из бороды» скованного Пугачева; учтем данные о генерале Потемкине, который, руководя правительственной следственной комиссией в Казани, «живет» с приводимой к нему из тюрьмы семнадцатилетней Устинойей Кузнецовой, женою Пугачева; задумаемся в рассказ о Державине, вешающем крестьян лишь «из поэтического любопытства». Все это бьет в одну точку, все это не только разоблачает деятелей государственного аппарата крепостнического государства, но и показывает непроходимую пропасть между победителями и побежденными, между рабовладельцами и рабами. Даже такие различные, на первый взгляд, сведения, как справки Пушкина о первом главнокомандующем войсками, посланными против Пугачева, генерале В. А. Каре или о симбирском коменданте полковнике Чернышеве, шедшем на выручку осажденного Оренбурга, но разгромленном Пугачевым, вносили характерные дополнительные черты в биографии «усмирителей», уже дискредитированных в основном тексте «Истории Пугачева». В самом деле, генерал Кар, самовольно сложивший с себя командование и бежавший с фронта в Москву, известен был не столько своими боевыми подвигами, сколько полицейскими операциями в оккупированной Польше, а полковник Чернышев («тот самый»!) стал и полковником и симбирским комендантом только потому, что его брат был некогда камер-лакеем при дворе цесаревны Екатерины Алексеевны. После дворцового переворота 1762 года Екатерина сделала своего бывшего лакея бригадиром и комен-

дантом Кронштадта, а брата его подполковником и начальником гарнизона Симбирска. Эти красочные биографии «екатеринских орлов», записанные Пушкиным со слов Дмитриева, без лишних слов напоминали о том, что Белобородов, Хлопуша, Чика, Перфильев и другие пугачевские «господа енаралы» по своим воинским и организаторским талантам и личным боевым доблестям были много выше командиров царской армии из камер-лакеев, тюремщиков и палачей.

Свои впечатления от действий тех и других Пушкин не всегда, разумеется, мог развернуть в печатном тексте «Истории Пугачева», но о позиции его и здесь достаточно четко свидетельствовали не только отдельные штрихи персональных характеристик Бранта, Кара, Рейнсдорпа, Потемкина, Чернышева, но и обобщения самых ответственных разделов повествования. Такова была, например, в главе третьей оценка действий высшего оренбургского командования: «К несчастью, между военными начальниками не было ни одного, знавшего свое дело. Оробев с самого начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средств к наступательным движениям». Такова была едкая сентенция в главе седьмой о поведении казанского генералитета: «Если бы Потемкин и Брант сделали бы свое дело и успели удержаться хоть несколько часов, то Казань была бы спасена». Такова же была в главе восьмой характеристика событий после разгрома Пугачева под Казанью: «Переправа Пугачева произвела общее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и предалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещенные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отсюда приводила к Пугачеву».

Резко характеризуя бездарность, расхлябанность, трусость и бессмысленную жестокость представителей государственного аппарата, чуждых и враждебных народу, не понимающих ни его нужд, ни чаяний, ни условий политического и экономического быта, Пушкин явно опирался в своей истории крестьянской войны 1773—1774 годов на тот приговор, который вынесен был помещичье-дворянской верхушке еще в «Путешествии из Петербурга в Москву».⁸ Концепцию Радищева в этом отношении полностью подтверждали и все те материалы, которые Пушкин получил для «Истории Пугачева» в результате опроса И. И. Дмитриева.

⁸ Подробнее об этом см. в нашей статье «Проблематика „Истории Пугачева“ Пушкина в свете „Путешествия из Петербурга в Москву“ Радищева» («Научный ежегодник Саратовского государственного университета за 1954 год», 1955, стр. 149—154).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
XVIII-XIX ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 9